

Андрей Авдей

КАК
РОДНЫХ
СЫНОВЕЙ

16+

Андрей Николаевич Авдей

Как родных сыновей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57128355

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04854-6

Аннотация

Книга приурочена к 75-летию Великой Победы. В каждом рассказе – судьба человека. От матери, уберёгшей единственного сына, до Русалки, помогавшей разведчикам, от ночного духа Летавицы до единственной оставшейся жительницы – хранителя взвода красноармейцев, от девушки-санитарки, вытащившей из кровавого ада нашего бойца и немца, до Крыничницы, пришедшей на помощь раненому красноармейцу, от глухонемого партизана-одиночки до командира 57-мм орудия. Главная мысль книги – в словах одноногого бригадира ("Бабы"): – Это, лейтенант, бабы, – и посмотрев в сторону кладбища, Иван повторил, – наши бабы

Содержание

От автора	4
Доживи до заката	6
Мать	18
И Аз воздам	27
Василиса	32
Мама	43
Иванушка и Златовласка	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

От автора

Посвящаю маме, Ядвиге Иосифовне, и светлой памяти бабушек: Папкевич Юзефы Петровны и Гавдей Феодоры Александровны.

Книга приурочена к 75-летию Великой Победы.

В каждом рассказе – судьба человека. От матери, уберёгшей единственного сына, до Русалки, помогавшей разведчикам, от ночного духа Летавицы до единственной оставшейся жительницы – хранителя взвода красноармейцев, от девушки-санитарки, вытащившей из кровавого ада нашего бойца и немца, до Крыничницы, пришедшей на помощь раненому красноармейцу, от глухонемого партизана-одиночки до командира 57-мм орудия.

Главная мысль книги – в словах одноногого бригадира ("Бабы"):

– Это, лейтенант, бабы, – и посмотрев в сторону кладбища, Иван повторил, – наши бабы

Хочу сказать спасибо всем читателям за поддержку, критику и советы. Особая благодарность корректору Ларисе Сеченовой.

С уважением, Андрей Авдей.

Если у Вас появились вопросы, замечания и пожелания, Вы можете написать автору:

– основная группа ВКонтакте: https://vk.com/four_ls;

– e-mail: andr080872@tut.by

Часть первая. Как родных сыновей

Доживи до заката

Небесная твердь переливалась мириадами звёзд, завораживая любого, кто поднимал голову вверх. Глядя на мерцание крохотных светил, не хотелось волноваться и переживать. Хотелось просто лежать и удивляться тому, как же все-таки огромна вселенная, и как в ней мал и незначителен человек. Микроскопический кристаллик в бескрайнем океане равнодушного ко всему мироздания, который радовался, огорчался и мечтал о том, что выживет. Потому что ему было всего двадцать.

Лежа около пушки, Николай смотрел на усыпанный звёздами небосвод и размышлял о предстоящем бое. Тем более что вечером на позиции батареи пожаловал замполит полка. Как водится, вручил награды, зачитал приказ о присвоении очередных и внеочередных званий, а потом произнёс пламенную речь. Из его выступления все поняли только одно – хана. Основной удар придется на их полк. А это значит, что в живых останутся только самые везучие.

Потому что у истребителей танков «длинный ствол, но жизнь короткая». Пять выстрелов, иногда больше, иногда меньше и всё. Взрыв, второй, третий, и «напрасно старушка ждёт сына домой, ей скажут, она зарыдает». Николай посмотрел на свою сорокапятку, расчётом которой командовал уже второй месяц.

Истребителей называли по-разному. Официально – чуть ли ни элитная артиллерия специального назначения, в войсках – «Смерть врагу, кранты расчёту». Не зря, ой, не зря им платили в два раза больше, чем пехоте. Из десяти подбитых танков семь приходилось на истребителей. А из десяти орудий в бою выживала едва ли половина. Могли бы и в три раза больше платить, и в четыре, всё равно эти деньги получать некому. Кому повезло – тот в госпитале, а кому нет – в земле. И вторых гораздо больше.

Расчёт Николая называли счастливым. Ещё бы, три боя – все целы, а командир получил сержанта и «За отвагу». Везунчики.

Черное небо хмыкнуло, равнодушно мерцая холодным светом. Ему было всё равно. А вот командиру орудия – нет. Хотелось выжить и в этом бою.

Как сказал наводчик: «Помереть геройски – дело нехитрое. Воюй только по уставу – наградят посмертно "Славой"»¹. Орден, конечно, хорошо, но вернуться домой – ещё лучше. Поэтому командир расчёта долго просидел со взводным, после чего вместе с бойцами потратил два часа законного отдыха на рытьё, таскание веток и маскировку. Заряжающий откуда-то притащил две дымовые шашки, ещё раз всё обсудили до мелочей. Только после этого сержант отпустил бойцов.

А сам любовался ночным небом и думал. Сколько выстре-

¹ Орден Славы

лов? Два, пять, восемь? От этого зависели судьба орудия и их жизни. Отвлёкшись на падающую звезду, Николай тихо пропел: «С неба звездочка упала, ты желанье загадала, ты у неба попросила, чтоб живым вернулся милый».

«Загадать, что ли, желание?». Но яркий шлейф пропал так же быстро, как и появился. «Не успел», – вздохнул Николай.
– Успел, – раздалось слева.

Сержант от неожиданности дернулся и больно ударился головой о пушку.

– Аккуратнее, солдатик, не ровен час – в госпиталь увезут, – тихий смех заставил сержанта покраснеть.

– Не в госпиталь, а под трибунал скорее, за членовредительство, – хмыкнул он и оглянулся.

Метрах в пяти от орудия, улыбаясь, стояла девушка лет двадцати, одетая в легкое светящееся платье. Её золотые волосы опускались почти до земли, а глаза...

– Что молчишь, язык проглотил? – гостья подошла ближе.

Заворожённый невероятной красотой девушки, Николай смог только что-то невразумительно промычать.

– Ау, воин, очнись!

– Простите, как вы сюда попали?

– Ни тебе «здравствуй», ни «разрешите представиться», – девушка нахмурилась.

– Доброй ночи, Николай, вам здесь не место, – скороговоркой выпалил сержант.

– Где захочу, там и буду. Ясно?

Гостья раздраженно топнула ногой, и Николай непроизвольно опустил голову вниз, посмотрев на сияющие ярко-красные сапожки.

– Попался, – рассмеялась девушка, – кто глянет на мою обувь, навсегда приворожён будет. Что теперь скажешь, воин?

– Согласен, – радостно кивнул сержант, – как говорится, совет нам да любовь, «горько!». А теперь поцелуемся?

– Экий ты шустрый, – девушка смущённо отступила.

– Мы, истребители, должны быть шустрыми. Так как насчёт поцелуя?

– Вот заладил, поцелуй-поцелуй, – гостья нахмурилась, – русским языком говорю – дух я ночной, Летавицей зовут.

– Очень приятно, – шутливо отдал честь сержант.

– Не перебивай, – рассердилась девушка, – любой, кто не устоит перед моими чарами или на сапоги глянет – до самой смерти будет приворожён.

– Подумаешь, – Николай пожал плечами и улыбнулся.

– Ничего не подумаешь, – Летавица явно обиделась, – от несчастной любви бросишь дом и, как лист в непогоду, пойдёшь скитаться по свету, только бы меня из сердца прочь изгнать.

– Смешная ты, – хмыкнул сержант, – мы и без твоих чар вырваны из дома. Как листья в непогоду, скитаемся по земле. Правда, не одни.

Он похлопал по стволу сорокопятаки:

– С боевой подругой. Три боя пережили, а утром ждет четвёртый, последний.

– Как это последний? – девушка тряхнула копной золотых волос, от чего вокруг разлетелись крохотные искорки.

– Предчувствие у меня: до захода солнца не доживу, – спокойно ответил Николай. – И сколько раз наша сорокопятка успеет выстрелить, неизвестно. Может, один, может – десять. А потом...

– А потом? – Летавица заинтересованно подошла к пушке.

– Всё, – рассмеялся артиллерист. – Немцы жить хотят не меньше нашего. Их танкистам неохота гореть, поэтому заметят и накроют огнем. Так что завтра будешь уже другого привораживать.

– Вот ещё, – фыркнула девушка, – придумал.

– Ничего я не придумал, – сержант похлопал ладонью по стволу сорокапятки, – её «Прощай, Родина» называют. Думаешь, просто так?

– Выходит, я зря сапожками хвалилась?

– Выходит, зря, – кивнул Николай. – Так мы поцелуемся или нет? Веселее на смерть идти будет.

– Эх, мужики-мужики, – улыбнулась девушка, – ровно дитёнок малый игрушку требуешь. Не для баловства я к тебе прилетела звездой падающей.

– Жаль, – вздохнул Николай, заставив покраснеть Летавицу, – тогда открой секрет, может, в бою как раз и пригодится.

– Пригодится, – девушка посмотрела прямо в глаза, – выстрелов должно быть пять. Не больше и не меньше, ровно пять. Помни об этом. А теперь мне пора.

– Мы ещё увидимся? – в глубине души сержант понимал, что это сон. Яркий, сказочный и красивый настолько, что просыпаться совсем не хотелось.

Летавица грустно улыбнулась:

– Доживи до заката, Коленька, и я приду, обещаю. А теперь прощай.

Несколько часов спустя.

Если закрыть глаза, то кажется, будто огромный великан, закованный в гроыхающие доспехи, внимательно осматривает поле боя. Изредка порывивая, он ищет засады истребителей танков. Сумасшедших артиллеристов, посмевших оказаться на его пути и вознамерившихся помешать! Ему! Вместо того, чтобы трусливо поджать хвосты и отступить, они были готовы...

– К бою!

– Ориентир второй. Танки! По головному! – подал команду командир взвода.

– Вижу танки! – Николай открыл глаза и продублировал команду. – Ориентир второй, по головному!

– Есть второй, – отозвался наводчик.

– Бронебойным!

– Есть бронебойным!

– Прицел 13, наводитъ вниз.

– Упреждение полфигуры...

– Огонь.

Взвод слаженно рявкнул залпом. Танк споткнулся и густо задымил.

«Первый выстрел», – подумал Николай.

– По правому танку! – донеслось сквозь нарастающий грохот боя.

– По правому, – тут же продублировал команду сержант.

– Ориентир третий.

– Прицел двенадцать.

– Упреждение фигура.

– Огонь!

«Второй выстрел».

– Правый танк – верно! Давай, мужики.

Теперь всё зависело только от слаженной работы бойцов расчёта. Их заметили: танк, не сбавляя хода, уже поворачивал башню.

– Огонь!

«Третий выстрел».

Земля взметнулась перед бронированным чудовищем, заставив его злобно выдохнуть. Взрыв грохнул где-то позади.

– Огонь!

«Четвёртый выстрел».

– Огонь! Есть!

«Пятый выстрел».

Победил орудийный расчёт. Пока победил.

– Бросай шашки. Навались!

Укрывшись за густым дымом, бойцы перекатывали пушку влево, на заранее подготовленную позицию.

– Быстрее! Стой! Развести станины! – Николай оглянулся.

Великан свирепо ударил по земле рукой: там, где был расчёт всего минуту назад, один за другим прогремели несколько разрывов. В этот раз смерть удалось обмануть. Надолго ли?

Но размышлять было некогда. На позиции неумолимо покатила огромная волна ревущей бронированной смерти, которой противостояли крохотные фигурки – истребители танков, расчёты орудий «Прощай, Родина». Смертники.

– Второе орудие погибло! – крикнул заряжающий.

Посмотрев влево, сержант увидел задранный ствол пушки.

«Доживи до заката».

А сейчас только полдень. И танков было много, слишком много для одной несчастной батареи.

– Бронебойным!

– Ориентир пятый!

– ... наводить вниз.

– Упреждение полфигуры...

– Огонь!

Казалось, что в ответ на каждый выстрел огромный великан раздражённо бьёт ладонью по земле, стараясь прихлоп-

нуть орудийные расчёты. И промахивается. Вот, сейчас...

– Навались!

Хлоп! Взрыв! Раздавил!

Но через минуту звучит левее:

– Огонь!

– Навались!

– Развести станины!

Великан ревел от ярости, швыряя тысячи смертоносных осколков, и бешено хлопая по земле.

– Третье орудие погибло!

– Бронебойным!

– Огонь!

– Навались!

«Доживи до заката».

Когда он наступит? Кто знает? Разве что этот безумный великан, который, радостно потирая руки, вскочил и изо всех сил ударил ногой: «Попались!»

– Огонь!

...

– Огонь!

...

– Огонь!

В конце концов, измотанное чудовище нехотя сдалось, рыкнув на прощание моторами уцелевших танков и пообещав вернуться.

«Всё?». – Бойцы переглянулись, не веря в случившееся.

– Всё, – улыбнулся Николай, – дожили до заката.

Как по команде, бойцы подняли головы: обессиленное солнце, замотавшись в красную мантию, торопилось спрятаться за горизонтом, чтобы не видеть изуродованную землю, разорванные в клочья пушки и неподвижные холмики вокруг них.

– Дожили до заката, – повторил сержант.

– Нет! – великан обернулся и, глядя на счастливых истребителей, яростно ударил ногой по пятящемуся танку, который тут же огрызнулся в ответ неприцельным выстрелом.

– Вот теперь всё, – чудовище довольно рыкнуло и скрылось вдали.

А вокруг искорёженной пушки неподвижно лежал самый везучий орудийный расчёт.

«С неба звездочка упала, ты желанье загадала, ты у неба попросила, чтоб живым вернулся милый».

Где-то бегали санитары, раздавались команды, натужно гудели полуторки и грохотали танки. Где-то кипела жизнь. Николай этого уже не видел, перед его глазами сияло красное солнце, два солнца, три, четыре. Затем их скрыла белая мгла, и боль отступила. На душе стало легко и свободно, хотелось петь, кричать, а потом взлететь высоко-высоко, чтобы...

– Ты куда собрался?

Чьи-то руки легли на погоны и мягко, но сильно удержали сержанта.

– Летавица, – улыбнулся Николай.

– Пришла, как и обещала, – девушка рассмеялась, – вижу, успела. Что ж ты, женишок, сбегаете? Замуж позвал, а сам.

– Так судьба распорядилась, – сержант пробовал освободиться, но тонкие руки держали крепко, – не я решал, а...

– Я, – перебила девушка, – решу. Не забывай меня, Коленька, прощай.

Николай хотел что-то ответить, но Летавица неожиданно сильно толкнула сержанта вниз. Перед тем, как рухнуть на землю, он увидел мелькнувшие перед глазами ярко-красные сапоги.

– Вот они, – женщина открыла коробку и бережно достала обувь, – когда мне исполнилось четыре, папа подарил на день рождения. Он хотел, чтобы у меня были красные сапожки.

– Удивительная история, – журналист отложил ручку, с удовлетворением посмотрев на исписанные страницы, а затем взял в руки фото. – Это он?

– Да. После госпиталя вернулся домой, женился. Мама рассказывала, он безумно мечтал о дочери.

– Значит, вы были любимицей, – журналист аккуратно положил фотографию, – и, как часто случается, отец называл вас как-то особенно, я прав?

Женщина улыбнулась:

– Для папы я всегда была Летавицей.

Мать

Отче наш, иже еси на небесех!

Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое,

Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Пожилая женщина стояла на коленях перед иконой

Яко Твое есть и Царство, и сила, и слава,

Отца и Сына, и Святаго Духа

И ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь!

Дрожащей рукой она перекрестилась и прошептала:

– Господи, молю тебя, спаси и сохрани сына моего, не дай сгинуть кровиночке, один он остался, прикрой его от пуль вражеских, сбереги его головушку, не оставь его в милости Своей.

По морщинистым щекам потекли робкие слёзы. Рядом с иконой стояло фото: мужчина обнимал двоих парней, они улыбались. Женщина медленно встала и провела рукой по стеклу рамки:

– Мои вы золотые...

– Не помешаю? – дверь без стука открылась.

На мгновение женщине показалось, что по иконе мелькнула чёрная тень. Оглянувшись, хозяйка дома увидела молодого стройного офицера. Форма была выглажена идеально, сапоги начищены до зеркального блеска, а череп с костями

на фуражке и серебряные молнии в петлицах сияли в солнечных лучах так, что было больно глазам.

– Не помешаю? – повторил он.

– Входите, – женщина со страхом посмотрела на незваного гостя, – присаживайтесь.

– Спасибо, фрау, – немец со стуком отодвинул стул, – ваша семья? – он кивнул на фото.

– Да, муж и сыновья.

– Воюют? – офицер усмехнулся.

– Один воюет, – она смахнула набежавшую слезу, – двое уже отвоевались. Мужа убили на Халхин Голе, а старший в финскую погиб.

– А младший сын убежал на фронт ещё в июне 41, – добавил гость.

– Откуда вы знаете? – ноги задрожали, и она осторожно присела на краешек стула. – Он у вас?

– Вы очень догадливы, именно по этому поводу я и решил нанести этот визит. Не возражаете, если закурю?

– Курите, курите, как он, жив, что с ним? – слезы капали на скатерть, оставляя мокрые тёмные пятна. Солнечный лучик метнулся сквозь окно и, словно стараясь утешить, замер на лице женщины.

– Жив, – офицер с наслаждением затаился, – пока жив. Вы знаете, он очень хороший разведчик, только благодаря чистой случайности мы сумели его обнаружить.

– Что вы с ним сделаете? – тихо шепнула мать.

– Думаю, расстреляем, очень почётная смерть для воина, согласитесь? – кольца дыма сплелись над фуражкой в замысловатую фигуру, чем-то напоминающую череп. – Обычно мы вешаем, но в данном случае сделаем исключение: это заслуженная оценка его храбрости, расчётливости и мужества.

Женщина со стоном стянула платок с головы, седые волосы рассыпались по плечам:

– Сыночек мой....

– Фрау, не стоит так убиваться, – офицер подошёл и ободряюще похлопал мать по плечу. – Каждый солдат, идя в бой, знает, что, возможно, он будет последним. Война – это случай.

– Кровинушка ты моя ненаглядная...

– Понимаю ваше горе и сочувствую, но я пришёл не за этим, – гость присел на стул и закурил новую сигарету. – Я хочу предложить сделку: вы можете увидеть своего сына живым, если...

– Если – что? – сквозь слёзы она с надеждой посмотрела на офицера.

– Стоя за дверью, я услышал, как вы просили помощи, у кого?

– У Бога.

– И он вам ответил? – губы скривились в презрительной усмешке. – Утешил, успокоил, помог, обнадёжил, что он сделал?

– Он меня услышал...

– Услышал? Не смешите меня.

Женщине показалось, что череп на фуражке гостя ухмыльнулся.

– Он вас услышал? Когда ваш муж, прошитый очередью, корчился на Халхин Голе, истекая кровью, да? Или, может, прислушался перед атакой зимой сорокового? Напомню, та атака оказалась последней для вашего старшего сына, какая незадача, наступил на мину, – ехидный смех офицера резанул слух.

– Одному Богу ведомы наши судьбы, не мне судить, – женщина закрыла лицо руками, плечи затряслись в беззвучном рыдании.

– Конечно, – немец вскочил и подошёл к иконе, – одному Ему ведомо, вы шепчете это постоянно, как бараны, молясь разукрашенной доске.

– Этот лик Святой Матери Божией в нашем роду передаётся из поколения в поколения, не трогайте, – она робко потянула офицера за китель.

– Святая, род – где он, ваш род? Остался последний, слышите, последний! И его судьбу решаю я, а не она, – палец ткнул в сторону иконы, – и тем более не Он, – палец указал на потолок.

– Его судьбу решит Бог, – прошептала мать.

– Его судьбу решу я, понятно? Я! – кулак стукнул по столу. – И не надейтесь, что Он сможет что-то изменить.

– Зачем вы пришли?

– Простите, фрау, – опять прозвучал издевательский смех, – вы абсолютно правы, я увлёкся. Война, знаете ли, расшатывает нервы даже закалённых в сражениях бойцов. Итак, я предлагаю вам сделку: мы сохраним вашему сыну жизнь, но при одном условии. Вы заинтригованы?

– Каком? – тихо прозвучало в ответ.

– Помолитесь мне точно также, как и Ему, попросите о пощаде и милости. И пообещайте, что ваш сын станет служить Рейху верой и правдой. Мы ценим храбрых и доблестных солдат.

– Вы не офицер, – женщину пронзила внезапная догадка, – вы не настоящий офицер.

– Для полуграмотной крестьянки вы очень сообразительны, – молнии на петлицах сплелись в змеиный клубок, – но это не отменяет сути сделки, итак?

Мгновенно состарившись, она неуверенно оглянулась на икону – набежавшая тень скрыла лики её самых любимых и дорогих мужчин.

– Итак, я жду.

– Прости меня, сынок, – прошептали мокрые от полившихся слёз губы, – прости.

– Я жду, – нетерпеливо повторил гость.

– Никогда мой сын не будет предателем, и перед вами на колени я не стану, – женщина твёрдо посмотрела в жёлтые глаза и повторила. – Никогда.

– Безумная старуха, – офицер раздражённо вскочил и по-

дошёл к двери, – в своей слепой вере ты готова убить собственного сына ради неясных бараньих идеалов! Ну что ж, запомни этот день, 10 июля 1944 года, запомни на всю свою оставшуюся жалкую жизнь. Но напоследок я всё-таки сделаю тебе милость, – он расхохотался и махнул рукой. – Смотри.

Она вдруг увидела старый сарай, группу немецких солдат с автоматами наизготовку, целившихся в молодого паренька. Он стоял у стены в изорванной гимнастёрке, со слипшимися от крови волосами, а разбитые губы шептали: «Прости меня, мама».

– Сыночек, – мать в изнеможении рухнула на пол.

Раздался залп и стук закрываемой двери.

ПОЛГОДА СПУСТЯ

... Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Старушка стояла на коленях перед иконой:

Яко Твое есть и Царство, и сила, и слава,

Отца и Сына, и Святаго Духа

И ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь!

Дрожащей рукой она перекрестилась.

– Хозяйка, можно войти?

Оглянувшись, хозяйка дома увидела пожилого солдата с погонами старшины. Чисто выстиранная гимнастёрка, стоптанные, но начищенные до блеска сапоги. На груди было тесно от медалей и нашивок за ранения.

– Можно войти? – повторил гость. – Мне бы водички.

– Заходи, заходи, конечно, – старушка шаркающей походкой подошла к печи, – сейчас я тебя покормлю, солдатик. С фронта?

– Комиссован вчистую, вот домой добираюсь, твоя семья? – улыбнулся гость и кивнул на фото.

– Да, муж и сыновья.

– Воют? – старшина посмотрел в глаза женщины и осёкся. – Прости, мать.

– Отвоевались мои соколики, забрал их Господь, – она смахнула набежавшую слезу. – Мужа убили на Халхин Голе, старший в финскую погиб, а младшенького расстреляли в июле сорок четвертого, он у меня разведчиком был.

– А откуда узнала, что расстреляли, рассказал кто? – удивился гость.

– Можно и так сказать, – она присела на стул. – Может, показалось, может, и нет. Может, во сне. Приходил офицер немецкий, показал мне, как мою кровиночку...

Женщина поднесла платок к глазам:

– Одна я теперь свой век доживаю.

– И похоронка пришла? – старшина встал и подошёл к фотографии.

– Нет никакой похоронки. На вот, выпей за упокой души моего золотого...

– Не буду! – от резкого вскрика старушка вздрогнула. – Не буду, – ещё раз крикнул гость и стукнул кулаком по столу. Рюмка упала, и самогон разлился по скатерти, оставив

тёмное пятно. – Ты что это, старая, отпеваешь заранее! Показалось ей. Я во сне сто раз видел, как меня в бою убили, и что? Вот он я, стою перед тобой, живой.

– Солдатик, ты не... – она попыталась возразить, но гость продолжил:

– Не перебивай, я тебе вот что скажу: не хорони его раньше времени. На войне всякое бывало, у нас в госпитале парнишка лежал, как и твой сын, разведчик, рассказывал, что его партизаны спасли перед самым расстрелом, чудом живой остался, так сам генерал приезжал, чтобы орден вручить, Боевого Красного Знамени!

– Защитил, видно, Господь, – женщина робко улыбнулась, – мать, наверное, верила...

– И ты верь. Всегда верь. Ну, спасибо за хлеб да соль, мне пора, – старшина подошёл к двери, остановился и ещё раз повторил. – Ты, мать, послушай меня: что бы тебе не говорили, всё равно верь. Прощай.

Женщина в изнеможении опустилась на стул и заплакала.

МЕСЯЦ СПУСТЯ

И ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь!

Дрожащей рукой она перекрестилась.

Тихо скрипнула дверь...

Ей показалось, что краски на иконе засияли. Старушка нерешительно оглянулась: луч солнца бросился к гостю и засиял на ордене Боевого Красного Знамени.

– Здравствуй, мама.

И Аз воздам

– Мама, мне страшно...

– Ну что ты, не бойся, я рядом, – она ласково погладила сына по вихрастой голове, – ты же мой маленький рыцарь, помнишь, как ты бросился меня защищать, когда в дом залетела оса?

Малыш улыбнулся и крепко обнял её за шею.

«Ничего, мой хороший, скоро всё закончится, ты успокоишься и уснёшь».

– А почему они кричат, им тоже страшно?

– Конечно, сынок, им страшно. Они очень боятся героя, который сейчас с волшебным мечом на моих руках.

– Да, он волшебный, – ребёнок стал весело размахивать маленькой деревянной сабелькой. – Я всех врагов порублю, а потом придёт наш папа, правда?

«Правда, правда, очень скоро мы увидим нашего папу, осталось совсем немного, последние минуты – самые тяжёлые».

– Мама, а почему ты плачешь?

– Я устала немного, давай присядем, хорошо?

Она опустилась на каменную скамейку, стоявшую рядом, и крепко прижала к себе сына.

«Когда-то муж специально притащил её из парка, сказав, что это символ нашего счастья, – нахлынули воспомина-

ния, – на этой лавке мы просидели весь вечер первого свидания, держались за руки, смотрели друг другу в глаза и молчали, а я мечтала о том, что у меня будет сын, похожий на него...

... Так и вышло, всё от мужа – глаза, вихры, манера поджимать губы, весёлый и добродушный характер... Только не сын, а сын и дочь, близнецы. Жаль, что вместе с дочей к бабушке и малыша не отправила, одной легче было бы сейчас. Эх, сыночек мой, виновата я перед тобой, очень виновата. Что ж я послушала тебя, поддалась на уговоры, вот и мучаюсь теперь. Скорее бы уже, сколько можно».

Снаружи что-то загудело...

– Мама, мне жарко!

– Потерпи сынок, совсем немножко осталось.

«Да когда же наконец. Ребёнок устал, испуган. Господи, прошу тебя, сделай так, чтобы всё закончилось быстро».

Гул нарастал...

От усиливающего грохота закладывало уши...

Ей показалось, что рядом промелькнул силуэт.

– Мама, мама, пахнет дымом, я боюсь!

«Началось, Господи, помоги нам».

– Сыночек! – ей пришлось кричать, чтобы было слышно сквозь грохот и треск. – Сыночек, посмотри на меня, вытри слезки, всё будет хорошо, ты мне веришь, мой вихрастый?

– Да, – робко сквозь слёзы улыбнулся ребёнок.

– Тогда закрой глазки и крепко прижмись ко мне.

Внезапно наступила тишина. Малыш открыл глаза и осмотрелся вокруг.

– Мама?

– Всё закончилось, я же обещала, – легкая улыбка скользнула по уставшему лицу.

Она встала со скамейки, поставила сына на землю, и, взявшись за руки, они пошли навстречу немолодому мужчине, приближавшемуся торопливым шагом.

– УСПЕЛ?

– Не знаю, о чём вы, но наверное...

– БОЛЬНО БЫЛО?

– Больно?

– ЗНАЧИТ, УСПЕЛ.

– Дядя, а вы кто, ангел?

От неожиданности мужчина споткнулся и, отвернувшись, пробормотал:

– ДА, БЫЛ ИМ, КОГДА-ТО.... ЛУЧШЕ ПОСМОТРИ, КТО ТАМ СТОИТ, – он показал рукой вправо и, кажется, немного улыбнулся.

... В лучах восходящего солнца появилась фигура мужчины, он шёл, опираясь на палку, держа в руке пробитую фуражку...

– Папа! Мама, это же наш папа, – малыш радостно бросился вперёд, его вихры развевались по ветру, а вокруг разносилось звонкое «Папа, папа!»

– ИДИ, ОНИ ТЕБЯ ЖДУТ.

– Спасибо вам, но я не понимаю...

– ЧЕЛОВЕКУ ДАНО ПРАВО ВЫБОРА, НО, К СОЖАЛЕНИЮ, ЧАСТО ЭТОТ ВЫБОР ПРИНОСИТ ГОРЕ И СТРАДАНИЯ.

– И вы?..

– ДА, И Я ИНОГДА ВМЕШИВАЮСЬ. ПОЭТОМУ ДЛЯ ВАС ОСТАНОВИЛ ВСЁ РАНЬШЕ.

– А разве вам это позволено?

– У МЕНЯ ТОЖЕ БЫВАЮТ ЧУВСТВА, – немного раздражённо фыркнул мужчина, – И АЗ ВОЗДАМ. ИДИ К НИМ, ОНИ ТЕБЯ ЖДУТ, – повторил он...

Они шли вперёд, к свету, крепко взявшись за руки: опирающийся на плку офицер, маленький мальчик, восхищённо крутивший головой во все стороны и почти утонувший в простреленной окровавленной фуражке, и молодая стройная женщина. В полной тишине только ласковый ветерок весело трепал подол её немного обгоревшего платья.

Они шли, не оглядываясь, лишь раз она бросила взгляд вниз – пьяные каратели, сидя на бронетранспортёре, с весёлым смехом глазели на пепелище, в центре которого на каменной лавке сидел обгоревший труп, крепко прижавший к себе крохотное обугленное тельце...

Неожиданно мелькнула огромная черная тень. Лёгкий ветерок, словно испугавшись, взметнул пепел и бросил горсть искр на пустые канистры, распространявшие вокруг резкий

запах бензина. Прогремел взрыв...

– И Аз воздам, – задумчиво повторил мужчина.

Василиса

Укрыв землю тёмным бархатом, ночь с усмешкой наблюдала за молодой луной, нетерпеливо ожидающей, когда заходящее солнце последний раз мигнёт багряным светом и скроется за горизонтом. Ночному светилу хотелось поскорее искупаться в небольшой речушке, бережно укрытой густыми зарослями прибрежного камыша.

Где-то самозабвенно трещали цикады, ухал филин и пищали летучие мыши. А здесь, у реки, старательно прокашлявшись, лягушачий хор затянул свою бесконечную песню. Мириады звёзд любовались отражениями в тёмной воде, невозмутимо перекатывавшей на гребнях волн серебряные блики. В этом пейзаже было что-то по-настоящему сказочное.

Прибрежные кусты, залитые потоками лунного света, и дремлющие березы, потревоженные лёгким ветерком, нехотя шевелили ветвями, создавая в зыбком призрачном свете удивительные картины. Мелькнула хитрая рожица Луговика, протопал вечно озабоченный Леший, а две подружки-кикиморы, хихикая, что-то увлечённо рассказывали друг другу. Тени появлялись и исчезали под всплески волн и тонкое зудение.

Это, измученные дневным светом, радостно гудели комары, неторопливо облетая берег в поисках очередной жертвы.

Тем более одна из них позволяла себя кусать абсолютно безнаказанно.

Николай вздохнул:

«Если вернусь, комполка одной пачкой "Казбека" не отдается, только за комаров двойная норма положена».

Борясь с диким желанием прихлопнуть очередного крылатого наглеца, офицер напряжённо вглядывался в противоположный берег.

Задача была проста и понятна. Разведчикам незаметно форсировать реку и вырезать всех: артиллерийские расчёты и пулеметчиков, обитателей дзотов и блиндажей. Причем сделать быстро и, главное, тихо. Иначе...

– ... завтра вода в реке станет красной, ты понял, лейтенант? – полковник в упор смотрел на командира разведзвода. – От твоих головорезов зависит, сколько штаб оформит похоронок. Справишься – всем ордена. А тебе лично от меня – пачка «Казбека», берёг для особого случая.

Командир полка встал и подошел к офицеру:

– Готовность на том берегу – две зелёные ракеты. Начало операции – в пять ноль-ноль. Даже если ты сигнал не подашь. Отправляю на смерть, понимаю, но ты постарайся, Николай, я не приказываю, прошу.

И крепко пожав руку, полковник добавил:

– Удачи, лейтенант.

Легко сказать – постарайся. Весь день, неподвижно сидя в камышах, взводный наблюдал за противоположным берегом. Любая деталь была важной – и шевеление кустов, и случайный лязг металла, и приглушённые команды.

Опустившийся на воду густой туман наконец-то дал возможность размять затёкшее тело и спокойно проанализировать детали. Итак, три пулемета, позади – минометный расчёт, плюс дзоты. Их два. Укрепили берег серьёзно, мышшь не проскочит. Если заметят – никто не доберётся и до середины реки.

– А добраться нужно до берега, – прошептал Николай и посмотрел на часы: 00-05, через сорок минут подойдут бойцы и вперёд, на смерть.

– Зачем себя раньше времени хоронишь, – неожиданно раздалось справа.

Лейтенант вздрогнул и резко выхватил пистолет. Инстинкты разведчика мгновенны, иначе ему не жить, поэтому ствол оружия смотрел точно в середину лба... девушки?

– Настоящий воин, – хмыкнула гостья, – ты в меня ещё гранату брось.

Николай смущённо опустил пистолет. Окутанная клубами серебристого тумана, перед ним, абсолютно не скрываясь, стояла гибкая стройная девушка в мокрой ночной рубашке. Ослепительно белая кожа, безукоризненно чёткие линии бровей и длинные золотистые волосы завораживали своим совершенством. А тёмные блестящие глаза (поче-

му-то Николай был уверен, что они зелёные) смотрели спокойно и открыто.

Гостья без тени смущения смотрела на лейтенанта и улыбалась:

– Так ты никогда не женишься, если судьбе своей ко лбу пистолет приставлять будешь, все девки разбегутся.

– Если найдётся та, что не побоится ночью рядом оказаться перед пулемётами и никуда не убежит, – лейтенант улыбнулся в ответ, – значит, сама меня искала.

– Искала, – кивнула головой девушка, – потому и пришла. Даже в зыбком лунном свете было видно, как покраснели щёки офицера.

– Ой, вы только посмотрите, – заливисто рассмеялась гостья, – засмутился!

Она тряхнула головой и золотистые локоны засияли, щедро посеребрённые молодой луной.

– Пригнись, – лейтенант рывком схватил её за руки и усадил на землю.

Глядя в смешливые глаза, он прохрипел:

– Как вообще ты здесь оказалась?

– Отпусти.

– Нет.

– Отпусти, я сказала.

– Если пообещаешь не высовываться.

– Обещаю.

Офицер нехотя отпустил холодные ладони, со вздохом

признавшись, что делать это ему совсем не хотелось, наоборот, он был готов вечно смотреть в бездонные глаза и слушать мягкий смех этой удивительной незнакомки. Глядя как девушка, насупившись, поправляет растрёпанные волосы, Николай рассмеялся.

– Что смешного? – фыркнула гостья.

– Ты как маленький ребёнок, у которого отобрали игрушку, – улыбнулся лейтенант. – Кстати, меня Николаем зовут.

– Василиса, – зелёные глаза озорно блеснули, – русалка.

– К-кто? – переспросил офицер.

– Р-русалка, В-василисою звать, – передразнила девушка, – испугался?

– С чего вдруг, – Николай внимательно посмотрел на собеседницу, – только разве...

– Хвоста нет, – перебила девушка, – волосы не зелёные, губы не синие, под воду не утаскиваю? Сказки это. Я, Коленька, самая настоящая русалка. Зря ты переживал, нас сейчас никто не видит и не слышит, туман оберегает.

– Эх, – мечтательно улыбнулся лейтенант, – нам бы этого тумана на всю реку, на часик.

– Нельзя, – вздохнула русалка, – и рада бы помочь, да только сила моя не безгранична.

– Жаль, – Николай посмотрел на собеседницу и подмигнул, – тогда жди своего жениха, красавица. Если нас заметят, встретят таким салютом, что, глядишь, я к тебе...

– Молчи, – холодная ладонь прикоснулась к губам офице-

ра, – не нужен ты воде, ты земле нужен.

Василиса поднялась и с улыбкой посмотрела на лейтенанта:

– Потому я и пришла, чтобы помочь. У того берега есть огромный валун, ты его видел. Держитесь левее, вправо – минное поле. А будете плыть, не волнуйся, река вам поможет, обещаю. Ну, мне пора.

– Подожди, – Николай не хотел верить, что девушка уйдет просто так, – мы еще увидимся?

– Кто знает, – рассмеялась русалка, – говорят, каждый в этом мире с двойником. Возьми на память, – девушка протянула немного вытянутую жемчужину, – она будет твоим оберегом. А встретишь суженую – дари смело.

– Такую, как ты, я не найду, – вздохнул лейтенант.

– Придет время, найдёшь. Только пистолетом не размахивай, – Василиса рассмеялась.

– Спасибо, – лейтенант взял жемчужину и сжал в кулаке.

– Не потеряй, – девушка с грустью посмотрела на офицера, – прощай, Коленька.

Туман закрутился густыми клубами, сквозь которые на секунду сверкнули огромные девичьи глаза, и всё исчезло.

Офицер вздрогнул и посмотрел на часы: 00-20. «Я уснул?».

Вспоминая этот удивительный сон, Николай улыбнулся и разжал кулак: на ладони мягким светом сияла продолговатая

речная жемчужина...

– Готовы?

– Так точно.

– Валун на том берегу все видят? Берём левее, вправо – минное поле. Вперёд, мужики.

По реке беззвучно скользили небольшие плоты, за которыми изредка мелькали головы разведчиков. Бойцы смотрели на тот берег и ждали. Заметят или нет? Каждый понимал, что малейшая оплошность и...

Метрах в ста правее раздался громкий всплеск. Ещё один. И ещё. На берегу раздались гортанные команды, вверх с шипением полетели осветительные ракеты.

– Быстрее, – сквозь зубы прошептал Николай.

Берег ощерился огненными трассами. Пум! Где-то еле слышно ухнуло.

– Значит, не ошибся, – подумал лейтенант, – он есть.

– Пум, пум, пум, – соглашаясь, засипел миномёт.

Поднятая разрывами вода рассыпалась на тысячи брызг. Грохот заглушил все звуки: и лягушачий хор, и писк летучих мышей. Даже ночь, ослеплённая ракетами, взмывающими над рекой, испуганно сдёрнула покрывало. Но это было там, в стороне. А здесь до берега оставалось не более двадцати метров.

Николай посмотрел вправо. Ему показалось, что среди

взбудораженной воды мелькнула девичья голова.

– Василиса?

То исчезая, то появляясь, девушка непостижимым образом увёртывалась от пулеметных трасс и разрывов.

– Пум.

Лейтенант до рези в глазах вглядывался в поднятую разрывом воду. Есть! Уходи, Василиса, мы добрались, уходи.

Словно услышав, русалка резко повернула к берегу.

– Пум.

Николаю показалось, что он услышал приглушённый взрывом крик. Скрипнув зубами, лейтенант выскочил на берег:

– Вперёд!

Черные тени, как демоны, влетели в окоп. Разведчики без единого звука втыкали ножи в тех, кто минуту назад поливал огнём реку. Николай не слышал сипения перерезанных глоток, хруста шейных позвонков и воплей. В его ушах звучал предсмертный девичий крик, а перед глазами стояла стройная гибкая девушка с огромными, он был в этом уверен, зелёными глазами.

Как две ракеты, с шипением взлетевшие над рекой.

По наведённому сапёрами понтону торопливо бежала пехота, натужно гудя, полуторки тащили орудия. Изредка, погромыхивая гусеницами, катились лёгкие танки.

А на берегу, не обращая внимания на комаров, молодой

лейтенант, командир разведвзвода, молча смотрел на воду, крепко сжимая в кулаке немного вытянутую речную жемчужину.

Июнь 45-го. Германия.

Виллис лихо развернулся у штаба, подняв тучу пыли.

– Жди здесь, – капитан выпрыгнул из автомобиля.

Сержант-водитель кивнул и полез в карман за кисетом.

– Слышь, земляк, табачком не угостишь? – к джипу подошёл пожилой старшина.

– Держи, – сержант протянул кисет.

– Угрюмый? – старшина кивнул в сторону штаба.

– Он самый, – согласился водитель, – командир разведроты, лихой мужик. Сколько мы с ним пережили, одному Богу известно.

– За что прозвали так?

– Не улыбается никогда, – сержант вздохнул, – было дело.

В сорок третьем. Чтобы переправу обеспечить, нам приказали немцев почистить на другом берегу. Там с командиром неладное случилось. Что и как, никто не знает. Мужики говорили, после боя он долго на берегу сидел и звал кого-то. С тех пор не улыбается.

– Война не одну душу покалечила, – согласился старшина, – даст Бог, ещё будет весельчаком. Спасибо за курево, земляк, удачи.

– И тебе, – сержант крепко пожал протянутую руку, – ско-

ро дома дымить будем.

Из штаба выбежал капитан:

– Поехали.

– Куда прёшь, пехота, – водитель беззлобно переругивался с бойцами, – жить надоело?

– Глаза разуй, не танк, свернёшь, – под хохот ответил кто-то из красноармейцев.

– Ишь, разухарились, – сержант улыбнулся, – нам куда?

– За перекрёстком направо, – думая о чём-то своём, ответил Николай.

– Товарищ капитан, а вы как, скоро домой? – повернув, водитель просигналил проезжавшей мимо полуторке с солдатами.

– Вот сдам все дела и... Стой!

Сержант не успел нажать на тормоз, а Николай уже бежал назад.

– Василиса!

Молоденькая ефрейтор-регулировщик с золотистыми волосами, выбивавшимися из-под берета, удивлённо смотрела на запыхавшегося офицера.

Огромными зелёными глазами.

– Здравия желаю...

– Василиса?

– Откуда... – девушка хотела что-то добавить, но капитан перебил:

– Это тебе, я сохранил.

В холодную ладошку легла слегка вытянутая речная жемчужина.

– Товарищ капитан...

– Меня Николай зовут.

– Уснул? – водитель полуторки нетерпеливо сигналил.

– Да погоди ты, – отмахнулся сержант, глядя на перекрёсток.

Где командир, держа за руки смущённую девушку, что-то рассказывал и... улыбался.

Мама

Лето 43 года. Август. Вдалеке громыхал гром, прогоняя за лес серую пелену дождя. А здесь только изредка запоздалые капли срывались на мокрую землю. Воздух был чист и свеж.

– Мама?

Из-за поваленного дерева высунулась измазанная землёй детская голова. Ребёнок осторожно посмотрел по сторонам. Тишина нарушалась лишь далёкими раскатами и шёпотом запоздавших капель. Набравшись смелости, он вылез из своего укрытия и вновь осмотрелся. Никого.

Ему было очень стыдно. За то, что убежал из дома и заставил маму волноваться. Она, наверное, сейчас бежит по деревне, ищет его. А может, уже и сосед, дед Василий, кряхтя, припустил по соседским хатам, разыскивая непоседливого мальчугана.

– Мама?

В ушах звенело, а грязные волосы слиплись от крови. Ребёнок потрогал голову: очень больно, наверное, когда бежал, споткнулся и упал прямо под корягу. Ещё и штаны порвал. Мама будет сильно ругаться, зашивая дыры на коленках. Ему казалось, он что-то забыл, что-то очень важное. Это нельзя было забывать, но он забыл. В ушах шумело, может, из-за шума он и не может вспомнить?

– Мама?

Слегка покачнувшись, мальчик неуверенно зашагал через поле в сторону дома. Очень хотелось поскорее оказаться на печи, послушать урчанье Мурзика, который тут же завалится под бок и будет меланхолично вылизываться.

– Мама?

Скорее бы положить голову на колени мамы и почувствовать её руки на своей голове. Когда она рядом, ничего не страшно. Нет, он не трусишка, он будет большим и сильным, когда вырастет, таким же сильным, как папа. Но сейчас он боится, потому что маленький и потому что один.

– Мама?

Вот и показалась верхушка яблони. Она видна отовсюду, большая, старая, рядом с ней хата деда Василия, а следующая – их. Скорее бы домой, не важно, что мама отругает, а может, ещё и отшлёпает. Главное, что потом он почувствует теплые руки на своей голове, услышит её ласковый успокаивающий шёпот. Главное, что потом ему не будет страшно, больно и холодно.

– Мама?

Не глядя под ноги, ребёнок побежал к дереву, казалось, и оно радушно распахнуло свои голые ветви, встречая маленького непоседу. Голые? Малыш остановился и с недоумением посмотрел на яблоню. Листьев не было. Но ведь утром...

– Мама?

Он вспомнил. Крики, плач. И мама, крепко прижавшая его к себе. Она что-то шептала ему на ухо, а злые чужие дя-

ди в форме толкали её в спину. Огонь, дым. Мурзик выскочил из-за дерева... Выстрел и смех. И хоть мама закрыла ему глаза рукой, он понял...

Дед Василий, трясая головой, что-то прокричал и замахнулся палкой. Треск автоматной очереди и... Он перелетел через плетень и больно ударился о землю.

– Беги!

– Мама?

– Сынок, беги!

И он побежал. Густой дым скрыл маленького мальчика, юркнувшего за пылающий сарай.

– Мама?

Он медленно шёл по пустой улице, не было домов, только обгоревшие печи. Вот дед Василий, он смотрел, не мигая, сжав в руках свою палку. На рубахе застыли расплывшиеся пятна крови. Затихший у сгоревшего плетня Мурзик и...

Мама.

Малыш сел рядом...

Лето 43 года. Август. Вдалеке громыхал гром, словно прогоняя серую пелену дождя. А здесь уже было тихо, только изредка запоздалые капли срывались на мокрую землю. Воздух был чист и свеж.

На деревенской улочке, среди обгоревших печных труб, маленький мальчик обнимал свою мать, положив на голову её холодные руки.

Эпилог.

В ходе карательной операция «Болотная лихорадка», проводимой в августе-сентябре 1943 года в Беларуси, было убито более десяти тысяч мирных жителей и партизан.

Иванушка и Златовласка

– По поверьям, русалка может оборачиваться и птицей, и зайцем. А если она живёт в болоте, то выходит замуж за Болотника. И вот эта счастливая семейная пара, Болотник и Болотница, охраняет утопленные клады и сокровища от людского ока.

– Хорош заливать, Иван, – хмыкнул пожилой старшина, – хотя заливаешь ты складно.

– Николаич, вот что ты вмешиваешься, я ж до призыва в институте учился, изучал славянскую мифологию, – тот, кого назвали Иван, с наслаждением затянулся переданной кем-то из солдат самокруткой.

– Ты бы не сказки рассказывал, а за водой ходил, по карте за нами болото в километре, глядишь, встретишь своих болотников, заодно гранат и патронов попросишь, – добродушно хмыкнул старшина.

Красноармейцы рассмеялись.

– Ладно, давайте бидоны, схожу, – Иван с хрустом потянулся, – да и прогуляться не мешало бы.

Иван шёл по лесу и улыбался. Вокруг щебетали птицы, деловито сновали муравьи, лихой поползень с озадаченным писком носился по полуповаленной сосне. Солнце щедро грело своим теплом всё вокруг: этот лес, деревья, носящихся

наперегонки стрекоз – оно грело эту землю. И совсем не хотелось думать о том, что где-то под лучами летнего светила греются пушки, танки, ружья, пулемёты, несущие смерть.

Не хотелось думать, что нагретая земля по локоть уже пропитана кровью, а изо всей группы студентов–филологов, попросившихся добровольцами на фронт, остался он один, за две недели войны дослужившийся до младшего сержанта, но так и не успевший перешить новые петлицы. Иван машинально потрогал нагрудный карман – там они, родимые, вручены комбатом месяц назад, он ещё помнил крепкое рукопожатие майора и пожелания успехов. Петлицы в кармане гимнастёрки, а комбат уже две недели как в земле – собой остановил танк. После боя собрали, что осталось, и похоронили вместе с остальными.

Не хотелось думать о том, что завтра утром опять атака, а гранат – с гулькин нос, да и патронов по обойме на человека. Не хотелось думать, что завтра можно остаться на этом поле, остаться навсегда. Жутко, дико, безумно хотелось жить – жить, вдыхая полной грудью этот пьянящий густой воздух, пропитанный запахами хвои, можжевельника, грибов, пропитанный запахами жизни.

А кто знает, будет ли оно, это завтра. Может, после боя ты останешься на поле с разорванным животом, как Васька, или за пару секунд истечешь кровью, как Серёга. А может, как Андрюха, будешь в дикой агонии корчиться под гусеницами равнодушного к твоим крикам танка. Нет, так нельзя, надо

наслаждаться этими минутами, пока ты ходишь по земле, а не лежишь в двух метрах под ней.

Иван рассмеялся, глядя, как трое воробьёв, непонятно как залетевших в лес, яростно чирикавая, пытаются поделить уже распрощавшуюся с жизнью гусеницу. Слева что-то зашелестело и, наученный горьким опытом, младший сержант упал на землю, выставив винтовку. Никого, но дребезжание и, кажется, тихие стоны, не стихали.

«Зверь?».

Иван привстал и посмотрел вперёд: метрах в десяти, возле куста можжевельника яростно трепыхалось что-то маленькое.

Заяц. Точнее, зайчонок. Он изо всех сил пытался вырваться из капкана, но стальные зубья крепко держали окровавленную лапку.

«Ну вот и здорово, мясо не помешает, который день кишка кишке дулю тычет», – подумал Иван.

Он подошёл и взял косога за уши.

«У каждого своя судьба, малыш, твоя – накормить нас».

Заяц, словно поняв, что судьба отсчитывает последние секунды жизни, замер и посмотрел на Ивана. Глаза. Удивительные, не заячьи глаза. Тёмно-синие, глубокие и... И совсем без страха. Но в них была жажда жизни. Безумная жажда жизни.

Иван на секунду замер. Так на него смотрел Виталья, друг детства, которому взрывом оторвало ноги, а кровь хлестала

так, что земля вокруг пропиталась за секунду. Он понимал, что остались минуты, но не хотел уходить. И в его глазах было такое же безумное желание остаться на этом свете. А потом Игорь – одноклассник, прошитый очередью насквозь, харкая окровавленными кусками легких, смотрел на Ивана таким же взглядом – обречённым и с дикой жадной жизни, пусть минуту, пусть секунду, но пожить ещё, посмотреть на небо, на воду, на землю, ну ещё немного, пожалуйста, Господи, ну что тебе стоит, Господи!

Иван положил косога на землю и, поднатужившись, раскрыв капкан. Заяц не шевелился.

«Давай, дружок, беги, вылечишься сам или мамка тебя вылечит, а перед боем брюхо набивать солдату – плохая примета. Беги».

И младший сержант легонько шлёпнул по дрожащему хвосту.

«Беги, дурилка картонная».

Заяц неуверенно пошевелил ушами, посмотрел на Ивана и... прихрамывая, поскакал вглубь леса.

Иван улыбнулся и, громя бидонами, двинулся к болоту.

– Иванушка!

Младший сержант оглянулся – никого.

«Показалось».

– Иванушка, я здесь.

тель мой, зачем пришёл.

– Воды бы чистой, день жаркий, а мы после боя, утром опять пойдут, – невпопад начал Иван.

Из воды высунулись руки, больше похожие на огромные лягушачьи лапы, и бидоны тихо поплыли в сторону.

– Муж мой принесёт сейчас, – Златовласка улыбнулась, – значит, ты богатырь былинный, землю родную защищать будешь?

– Я солдат, и я не один, – в ответ улыбнулся Иван, – защищать будем родину нашу. Везде – и на земле, и на воде, и, если даст Бог, в воздухе.

– Жаль, помочь я не могу тебе ничем, – вздохнула девушка, – только проход через болото покажу, а гранат и патронов нет у нас, извини, Иванушка.

– Откуда ты знаешь? – младший сержант не хотел и одновременно безумно желал верить в реальность происходящего.

– Межевички² рассказали о беде вашей, – Златовласка задумчиво посмотрела на возвращающиеся бидоны, – вы кочки там не сильно топчите, обижаются они, как детки малые.

– Передам своим, – Иван кивнул.

– И после боя возвращайся живым к нам, мы твои должники теперь, проси, что хочешь.

– Знаешь, Златовласка, – Иван потрогал нагрудный кар-

² Межевик – полевой дух в виде крохотного зелёного человечка, охраняет межи полей.

ман, – живым я не вернусь, неужто забыла примету: видеть русалку, расчёсывающую волосы – к смерти.

– Глупости это, – девушка разозлилась, – бабки старые языками без меры молили.

– Глупости не глупости, но задобрить тебя традиции велют, – Иван бережно достал из кармана петлицы, тускло блеснули зелёные треугольнички, – вот, возьми, это тебе, так и не перешил, видно, судьба мне умереть рядовым.

– Спасибо за подарок, но не наговаривай, – Златовласка вспыхнула, – а ты что молчишь?

В болоте возмущённо булькнуло.

– Простите, – Иван смущённо потупился, – но подарок прими, это самое дорогое, что у меня есть.

– Мы тебя ждём, Иванушка, помни – помощь потребуется, проси, – девушка посмотрела прямо в глаза, – и знай: что бы ни случилось, у нас ты найдёшь защиту, не верь сказкам.

– Спасибо, Златовласка, спасибо, Болотник, – младший сержант поклонился и, подхватив бидоны, зашагал к своим.

А потом был бой. И был ад. Воздух нёс смерть. Безумные «лапотники»³, пролетая над головами измученных бойцов, сбрасывали всё новые и новые бомбы, беспощадно била артиллерия, танки, словно играя, выбивали всё, что могло остановить продвижение пехоты, которая, напевая бравур-

³ лапотник или штука – штурмовик вермахта Ю-87, за неубираемые шасси получивший такое прозвище – авт.

ные марши, шла в атаки. Сколько их было за день – никто не считал. Может, пять, а может, двести.

Грохот, дым, пыль, вздыбленная земля, кровь, смерть, оторванные руки и ноги, безголовый старшина, опять кровь, опять взрывы, опять смерть, время исчезло, страх, позорно скуля, спрятался за поваленными деревьями. Но они не отступали. Опять грохот, опять дым, опять вздыбленная земля и кровь, опять взрывы, выстрелы и смерть.

Златовласка и Болотник, прячась за корягой, смотрели на отступающую колонну. Солдаты шли молча, не разбирая дороги, сквозь болото, странным образом ставшее твёрдым, как шоссе, только кровь, сочившаяся из ран, быстро растворялась в мутной воде. Ивана не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.